Александр Назаренко

Формула Грундманна — Штера: переменные успеха научного знания.

Рецензия на книгу: Р. Грундманн, Н. Штер. Власть научного знания. СПб: Алетейя, 2015.

Проблема взаимоотношений науки и политики относится к разряду вечных[1]. Госуправленцы требуют от науки максимальной отдачи в виде инноваций, модернизаций, всего того, что способно принести пользу здесь и сейчас: «Вы хотите 3% ВВП на науку? Тогда докажите, что можете распоряжаться полученными средствами продуктивно». Исследователи в ответ заявляют, что научные прорывы требуют времени и добавляют: «Научное знание ценно само по себе, поэтому не измеряется в показателях эффективности». Позиция ученых имеет этическое происхождение [Мертон, 2006] и заключается в «стерилизации» науки от политического влияния. Можно привести иной сюжет, бурдьевистский. Пока настоящие ученые сидят в башне из слоновой кости, всякого рода псевдонаучные деятели устанавливают связи с основными игроками поля политики, тем самым дискредитируя науку в глазах общественности. Ученым нужно участвовать в политическом дискурсе, выражать мнение, бороться за признание результатов своих исследований и влиять на принятие политических решений.

Назаренко Александр Павлович — социолог (САФУ им. М. В. Ломоносова, 2011). Слушатель Московской высшей школы социальных и экономических наук. Научные интересы: социология академического мира, STS, социология знания. E-mail: aleksandrnazarenko29@gmail.com.

Nazarenko Aleksandr Pavlovich — sociologist (NArFU named after M. V. Lomonosov, 2011), student of the Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: sociology of academic world, science and technology studies, sociology of knowledge. E-mail: aleksandrnazarenko29@gmail.com.

1 Рецензия выполнена по результатам научно-исследовательской работы, проведённой Центром социологических исследований РАНХиГС при Президенте РФ в 2015 г. по теме «Социология академического мира: реинституционализация отношений власти и знания».

Последний сюжет можно свести к вопросу о власти научного знания. Иными словами, к вопросу о том, как наука, выходя из тени кабинетов и лабораторий, способна привлечь к себе внимание и за счет этого реализовать свою потенцию к изменениям. На этот вопрос пытаются ответить Грундманн и Штер в своей работе «Власть научного знания».

Несколько строк об авторах. Тематика исследований Нико Штера *par excellence* связана с социологией знания [Штер, 2002; Штер, Шторх, 2011; Stehr, Ericson, 1992; Stehr, 1992]. Большое влияние на концептуальные воззрения Штера оказал Фрэнсис Бэкон. В частности, определяя знание как «способность к действию», как возможность «что-то привести в движение» [Штер, 2002, с. 32], Штер опирается на известное изречение классика английского эмпиризма «*Scientia est potentia*» [Бэкон, 1978]. Другой важной фигурой для Штера является Карл Мангейм[1] [Мангейм, 1994]. У него он берет идею, согласно которой знание приобретает силу в пространстве неопределенного и гибкого. Если знание обладает властью действовать, то оно способно производить изменения, не опираясь на конвенциональные нормы.

Дисциплинарная локация другого автора — Райнера Грундманна — относится к исследованиям науки и технологий. Серьезное влияние на Грундманна [Grundmann, 1990] оказал Н. Луман, в особенности его концепция риска. Это отразилось в ряде работ, посвященных проблемам изменения климата [Grundmann, 2006; Grundmann, 2007]. Анализ публичного дискурса и его основных участников — экспертов, политиков, простых обывателей о климатических изменениях — является основной задачей эмпирических исследований, реализующихся под руководством профессора Грундманна в Университете Ноттингема. На концептуальном уровне Грундманн интересуется тем, как и посредством чего/кого научное знание выходит за пределы поля науки и оказывает воздействие на социальные, экономические и политические отношения. Поиск ответа на этот вопрос объединил усилия Штера и Грундманна, результатом которых стала рецензируемая книга.

«Власть научного знания» — не первая совместная работа ученых. В 2011 г. издается «Эксперты. Знание и власть экспертизы» [Stehr, Grundmann, 2011], в которой исследователи определяют роль экспертизы при принятии важных решений политиками, предпринима-

1 Немецкий социолог создал и до сих пор возглавляет кафедру cultural studies имени Карла Мангейма в Университете Цеппелина в Фридрихсхафене. Отечественной публике также должна быть известна работа «Ранние культурно-социологические работы Карла Мангейма», соавтором которой является Штер [Кеттлер, Мейя, Штер, 2010].

телями, гражданами в целом. Во «Власти научного знания» авторы продолжают работать в этом направлении, но уже не в качестве основного, а как одного из потенциальных решений, способных дать ответ на вопрос: «Как научное знание может влиять на практическую политику?» [Грундманн, Штер, 2015, с. 7].

Книга состоит из пяти глав. Первая содержит концептуальные замечания, последняя — промежуточные выводы. Остальные представляют собой три кейса, на основании которых авторы демонстрируют, как научное знание влияет на процесс принятия политических решений. Во второй главе показывается, как идеи Кейнса в области макроэкономики привели к изменениям в социальной политике развитых стран. В третьей — как группа расологов смогла интегрироваться в поле политики с помощью теоретических построений и затем в кооперации с заинтересованной политической элитой разрабатывать и применять меры по защите и усовершенствованию высших рас. Наконец, в четвертой представлено, как продолжительный спор по поводу потепления климата сталкивает ученых, ангажированных и неангажированных политически, отдаляя принятие конкретных мер для решения проблемы на политическом уровне.

Концептуально работу можно представить следующим образом. Есть поле науки и поле политики. В первом находятся ученые, чья основная цель не только производство знания, но и максимальное его распространение. Поле политики восприимчиво к результатам научных исследований, но не ко всем: «Поэтому необходимо внимательно изучить, по каким причинам знание в одних случаях становится эффективным, а в других не оказывает никакого воздействия, хотя и в тех, и в других случаях его аутентичность гарантирована» [Там же, с. 16]. Принятие или непринятие научного знания обусловлено критерием его полезности. Политики руководствуются прагматическими соображениями о том, что научное знание должно решать актуальные проблемы. Если этого не происходит, то знание игнорируется, а его способность действовать, оказывать влияние, ограничивается пределами той дисциплинарной локации, которую занимают исследователи в поле науки. На первый взгляд все просто. Дьявол кроется в деталях.

Формула успеха научного знания, по Штеру и Грундманну, складывается из двух переменных. Первая — это интерпретативные схемы. Авторы обращаются к понятию фрейма Э. Гофмана: «фреймы ... представляют схемы интерпретации, которые используются в процессе поиска, восприятия, обозначения и оценки. При помощи фреймов акторы определяют проблемы, устанавливают причины, находят решения и дают нравственные оценки. Фреймы имеют ключевое значение для определения причин, а также содержат

в себе моральные суждения. Они предоставляют и обосновывают предлагаемые решения, а также дают прогнозы относительно предполагаемых последствий» [Там же, с. 26]. Фреймы структурируют воспринимаемую агентами информацию и позволяют идентифицировать ту или иную ситуацию определенным образом. Такое понимание фреймов видится нам неполным и не соответствует классическому определению Гофмана: «Определения ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий, и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности в них. Словом фрейм я буду обозначать все, что описывается этими двумя элементами» [Гофман, 2003, с. 71]. Авторы используют второй элемент, делая акцент на тех, кто воспринимает, при этом не замечая структур воспринимаемого. Со стороны науки, к примеру, в исследовательских практиках, упорядочивающих процесс производства знания, или в этических нормах, регулирующих поведение ученых в дисциплинарных сегментах: «В отличие от традиционных моделей эффективности и власти научного знания мы хотим обратить внимание на то, что источник эффективности знания не следует искать в процедурах производства знания или в определенных нормах научного сообщества, при помощи которых оно пытается внести ясность в спорные вопросы» [Грундманн, Штер, 2015, с. 16].

Половинчатое определение фрейма приводит Штера и Грундманна к заключению, что наука начинает влиять на политику в обстоятельствах согласования систем фреймов ученых и политиков: «Возможность использования расологических доктрин представляла особый интерес для власти предержащих, поскольку *эти доктрины совпадали с народными представлениями, глубоко укоренёнными как в умах широкой общественности, так и в политической и даже научной среде*» (курсив мой. — А. Н.) [Там же, с. 154]. Вывод вполне убедительный. Авторы на примере развития расологии усиливают его большим количеством цитат основных ее представителей и сопоставляют их с политическими и социальными настроениями Германии времен Веймарской республики.

Тем не менее, действительно ли во «Власти научного знания» используется фрейм-аналитическая оптика? Мы не можем ответить утвердительно[1]. По сути, авторы многообещающе заявляют читателю на 26-й странице: «В работе вы найдете новый способ использования фрейм-анализа». Читатель начинает усиленно всматриваться в каждую страницу, прокручивая в голове: «Когда же?! Когда?!», дохо-

1 Авторы ограничиваются в списке литературы только одной работой И. Гофмана — «Фрейм-анализ».

дит до 235-й и обнаруживает ссылку на одного из «основных экзегетов» фрейм-аналитической перспективы современности Э. Гидденса, который видит фреймирование как единение научного знания, политики и политических течений в некоторой точке [Там же, с. 235]. Прочитав к этому моменту 209 страниц в надежде найти новую методологическую идею при использовании фрейм-анализа в конкретных кейсах, читатель сталкивается с проблемой несоответствия заявленного действительному, после чего его режим вовлеченности к читаемому ослабевает. Возможно, автор этих строк ошибается, и Штер и Грундманн умело маскируют фрейм-аналитическую оптику с помощью цитат, приводимых в большом количестве в главах, где идет разбор кейсов. Здесь сделаем небольшое отступление в сторону и сосредоточимся на том, как авторы выстраивают свою аргументацию.

Цитата в научной публикации может выполнять различные задачи. В одних ситуациях это средство задать проблематизацию, в других — эксплицировать читателю формирование теоретического языка исследования, в-третьих — доказать основные тезисы, заявленные в работе[1]. Что делают Штер и Грундманн? В первой главе они формулируют базовые утверждения, которые собираются отстаивать, а затем доказывают их, обращаясь к объемному корпусу литературы. Важно здесь то, что в большинстве случаев цитаты приводятся без референции к тому или иному тезису. В этом есть плюсы. Главный — книга дает возможность читателю думать, возвращаться к первой главе и сопоставлять ключевые тезисы с приводимыми пассажами из других частей книги. Отрицательным моментом видится «засорение» отдельных фрагментов работы цитатами, что мешает прояснить авторскую позицию. Стратегия аргументации, по всей видимости, во многом обусловлена методом case-study, для которого плотное описание феномена с различных точек зрения является приоритетным. Особенно в этом отношении показателен кейс о проблемах изменения климата.

Вернемся к формуле успеха научного знания. Помимо интерпретативных схем второй переменной является знание *per se*: «Мы предлагаем понимать под знанием способность и возможность приводить в движение те или иные процессы» [Там же, с. 33]. В этом определении прослеживается влияние Бэкона. Но этого мало. Чтобы потенция реализовалась, ученые, носители аутентичного знания, должны осознавать те возможности, которые оно дает. Под возможностями в данном случае понимается не только ценность произве-

1 Данный перечень не претендует на завершенность и может быть дополнен другими мотивами использования цитат в академических текстах.

денного знания для науки, но и осознание учеными тех благ, которые знание способно им дать, если оно попадет в политическое поле. Оставим за скобками изменения в науке (эта тема не интересует Грундманна и Штера), к которым приводит новое знание, и сфокусируемся на ученых, обладающих компетенцией на предмет того, что нужно политикам.

Почему состоялось кейнсианство? Основных причин две. Во-первых, Кейнс был активным участником политической и культурной жизни элиты Великобритании [Там же, с. 83]; во-вторых, предметом его научного интереса была безработица, проблема, наиболее сильно волновавшая общественность Великобритании на рубеже 1920-30-х годов [Там же, с. 84]. Перечисленное позволило экономической теории Кейнса не сразу, но через некоторое время захватить умы политического истеблишмента Британии. Кейнс хорошо разбирался в запросах политического поля, поэтому смог согласовать свои научные интересы с ними. Идем дальше. Расология, по Штеру и Грундманну, состоялась в Германии, потому что группа ученых сумела согласовать идеологию национального духа с теориями естествознания (в частности, с дарвинизмом), изложила свои идеи на доступном широким массам языке, смогла формализовать свои идеи в нормативно-правовых актах, в частности, в Нюрнбергских законах [Там же, с. 113].

В последнем кейсе — изменения климата — все не так определенно. Как отмечают авторы, «сложность заключается в том, чтобы, несмотря на неоднозначное знание, выявить релевантные для действия переменные» [Там же, с. 172]. Основная проблема в изучении климата состоит в том, что не существует консенсуса среди ученых об истинных масштабах угрозы, а также влияния на нее антропогенного фактора. Тем не менее эта ситуация выгодна как ученым, так и политикам. Первые имеют постоянную финансовую поддержку на дополнительные исследования с целью получить более объективные данные относительно масштабов климатических изменений, вторые — возможность откладывать окончательное решение проблемы на неопределенный срок в связи с тем, что имеющиеся результаты не окончательны и требуют доработки. Актуальность научного знания здесь не исчезает. Импульс ей придают СМИ, транслирующие, к примеру, сообщения о таянии ледников Гренландии и увеличении озоновой дыры над Антарктикой. Научное знание в данном случае посредством отдельных исследовательских групп и институциональных образований (авторы особенно делают упор на МГЭИК[1]) поддерживает интерес к проблеме климата

1 МГЭИК — Межправительственная группа экспертов по изменению климата. Целью организации является предоставление объективной информа-

у различных агентов, тем самым предоставляя им инструменты влияния. Для политиков это прежде всего способность оправдывать свои решения, прибегая к авторитету науки.

Что общего у этих трех кейсов? Прежде всего то, что ученые уловили самые актуальные проблемы своего времени. Это облегчило попадание знания в поле политики, где основные агенты смогли интерпретировать его в категориях полезности и использовать для управления социально-экономическими процессами. Ученые не только верно расшифровали политическую конъюнктуру. Они смогли встроиться в нее за счет социального капитала, выступлений на научных конференциях и в СМИ, критики коллег. Это предпосылки становления практико-ориентированного знания. В этом месте, на наш взгляд, располагается основная лакуна работы Штера и Грундманна.

Научное знание, согласно авторам, может состояться как практическое, если будет «содержать в себе релевантные для действия инструменты, чтобы с их помощью человек мог осуществить необходимые изменения» [Там же, с. 241]. Отсюда следует, что ученые, которые правильно интерпретируют политическую ситуацию, выступают в роли промоутера нового знания. Без их усилий оно не могло бы реализовать свою потенцию к изменениям. Это не согласуется с утверждением авторов о том, что знание *per se* самодостаточно, цельно и обладает набором инструментов, которые ученые должны освоить ради того, чтобы оно получило признание. Даже название «Власть научного знания» говорит в пользу того, что Штер и Грундманн отдают приоритет гнозису, а не его создателям. Однако на протяжении чтения книги складывается иное представление.

Ответ авторов на вопрос, «как научное знание влияет на практическую политику», чисто экстерналистский, в духе классиков социологии науки. Научное знание обладает потенцией производить изменения, заявляют Штер и Грундманн, но на самом деле кейнсианство состоялось только потому, что Кейнс был частью политической элиты Британии, расология — потому, что группа ученых смогла научно обосновать идею арийской расы для первых лиц Третьего Рейха, а климатология — за счет исследователей, которые не могут прийти к окончательному выводу о тенденциях в изменении климата, что только на руку правительству развитых

ции о глобальной проблеме изменения климата: «это уникальный в своем роде институт, учитывая тот факт, что он включает в себя ученых и представителей государственной власти» [Грундманн, Штер, 2015, с. 186]. Тесная связь ученых из МГЭИК с полем политики вызвала нападки на эту организацию со стороны независимого исследовательского сообщества.

стран. Можем ли мы говорить в данном случае о власти знания как такового? Мы полагаем, что нет. Объяснения, которые предлагают авторы, подталкивают к заключению о том, что научное знание *per se* импотентно и приобретает силу только в альянсе со своим мастером.

Таким образом, формула успеха научного знания в политическом поле для Штера и Грундманна состоит из интерпретативных схем и знания *per se.* В рецензии мы хотели показать, что в этих переменных имеются погрешности. Вероятно, если использовать формулу на других кейсах, потребуются дополнительные переменные, другие факторы, способные объяснить, почему одно научное знание получает популярность и захватывает умы политиков, а другое нет. Интересным ходом было бы провести анализ тех же самых кейсов, но стартовую позицию разместить уже не на стороне науки, а политики.

Библиография

Бурдье П. (2002) За ангажированное знание. *Неприкосновенный запас,* (5): 61-63.

Бэкон Ф. (1978) Новый Органон. *Сочинения в двух томах.* Т. 2, М.: Мысль: 7-214.

Гофман И. (2003) *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта.* Г. С. Батыгин, Л. С. Козлова (ред.), М.: Институт социологии РАН.

Грундманн Р., Штер Н. (2015) *Власть научного знания,* СПб: Алетейя.

Кеттлер Д., Мейя Ф., Штер Н. (2010) Ранние культурно-социологические работы Карла Мангейма. *Избранное: Диагноз нашего времени,* М.: Изд-во «РАО Говорящая книга»: 705-728.

Манхейм К. (1994) Идеология и утопия. *Диагноз нашего времени,* М.: Юрист: 7-276.

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура,* М.: АСТ, Хранитель: 767-781.

Штер Н. (2002) Мир из знания. *Социологический журнал*, (2): 31-35.

Штер Н., Шторх Х. (2011) *Природа — Климат — Человек,* СПб: Алетейя.

Grundmann R. (1990) *Luhmann Conservative, Luhmann Progressive.* EUI Working Paper Florence: European University Institute.

Grundmann R. (2006) Ozone and Climate: Scientific Consensus and Leadership. *Science, Technology & Human Values*, (31): 73-101.

Grundmann R. (2007) Climate change and knowledge politics. *Environmental Politics*, (16): 414-432.

Stehr N. (1992) *Practical knowledge. Applying the Social Sciences.* SAGE Publications ltd.

Stehr N., Ericson R. (eds) (1992) *The culture and power of knowledge,* Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter.

Stehr N. Grundmann R. (2011) *Experts. The Knowledge and Power of Expertise*, Routledge.

References

Bourdieu P. (2002) *Za angazhirovannoe znanie. Neprikosnovennyj zapas [For biased knowledge],* (5): 61-63.

Bacon F. (1978) Novyj Organon [The new Organon]. *Sochinenija v dvuh tomah*. T. 2, M.: Mysl': 7-214.

Goffman E. (2003) *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta [Frame analysis. An essay on the organization of experience]*. G. S. Batygina, L. S. Kozlova (red.). M.: Institut sociologii RAN.

Grundmann R., Stehr N. (2015) *Vlast' nauchnogo znanija [The power of scientific knowledge]*. SPb: Aletejja.

Kettler D, Meja V, Stehr N. (2010) Rannie kul'turno-sociologicheskie raboty Karla Mangejma [The early social-cultural works of Karl Mannheim]. *Izbrannoe: Diagnoz nashego vremeni,* M.: Izd-vo «RAO Govorjashhaja kniga»: 705-728.

Mannheim K. (1994) Ideologija i utopija [Ideology and utopia]. *Diagnoz nashego vremeni*, M.: Jurist: 7-276.

Merton R. *Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]*. M.: AST, Hranitel'": 767-781.

Stehr N. (2002) Mir iz znanija [The world from knowledge]. *Sociologicheskij zhurnal*, (2): 31-35.

Stehr N., Storch H. (2011). *Priroda — Klimat — Chelovek [Weather — Climate — Man]*, SPb: Aletejja.

Grundmann R. (1990) *Luhmann Conservative, Luhmann Progressive.* EUI Working Paper Florence: European University Institute.

Grundmann R. (2006) Ozone and Climate: Scientific Consensus and Leadership. *Science, Technology & Human Values*, (31): 73-101.

Grundmann R. (2007) Climate change and knowledge politics. *Environmental Politics*, (16): 414-432.

Stehr N. (1992) *Practical knowledge. Applying the Social Sciences.* SAGE Publications ltd.

Stehr N., Ericson R. (eds) (1992) *The culture and power of knowledge,* Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter.

Stehr N. Grundmann R. (2011) *Experts. The Knowledge and Power of Expertise.* Routledge.